

ОГРАНИЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-е гг.)

В.В. Никулин, Э.А. Шейн

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент канд. ист. наук, доцент Р.В. Косов

Ключевые слова и фразы: дискриминация; избирательные права; классовая теория; институты власти; наказание; ограничение избирательных прав; социальные слои; суды; политические права.

Аннотация: Рассматриваются теория и практика лишения избирательных прав, лишения прав для граждан. Анализируются правовые и политические основания лишения избирательных прав. Показывается судебная практика и правовые последствия лишения прав для различных социальных слоев населения.

После прихода к власти в октябре 1917 г., большевики последовательно стали претворять в жизнь классовую теорию, распространяя ее на все сферы жизни общества. Классово мотивированной была и политика правового неравенства, одним из аспектов которой было неравенство избирательных прав различных социальных групп. Политика неравенства избирательных прав базировалась на идее строгой социальной организации общества, в основе которой лежало упорядочение социальных групп в форме отделения «своих» от «чужих» классов. Эта идея имела для большевиков принципиально важное значение, поскольку именно «свои» социальные группы должны были составить социальный базис власти, а, следовательно, иметь определенные привилегии социального, политического, правового характера. Проблема «социальной иерархии» была поставлена сразу же после октября 1917 г. В период Гражданской войны она утратила первоочередность, но с переходом к мирному периоду стала приобретать все более зримые очертания. В 1920-е г. механизм социальной селекции окончательно сформировался, и была разработана методика определения классовой принадлежности, включавшая в себя такие критерии, как основное занятие в момент его определения, положение в производстве и т.п. Помимо детальной классификации, существовала и общепро-

Никулин В.В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс», e-mail: viktor.nikulin@mail.ru; Шейн Э.А. – аспирант кафедры «История и философия», ТамбГТУ, г. Тамбов.

литическая, где определяющим критерием лояльности режиму выступало социальное положение до 1917 г., так как это определяло политическую позицию: если ты накануне революции принадлежал к эксплуататорским классам (буржуй), значит политический противник, в лучшем случае, ненадежен. Таким образом, в социальные категории включались не по тем функциям, которые выполнялись в настоящий момент, а по тем какие исполнялись до революции. Понятие «буржуй» стало как клеймо. «Буржуи» (сюда включались практически все элементы, не связанные непосредственно с физическим трудом) рассматривались как особый сорт людей, буржуазный отпечаток которых нельзя ничем смыть. «Как негр остается негром, где бы он ни появился и как бы он не переодевался, так и «буржуй» остается «буржуйем», хотя бы он стал нищим, или живет работой» [1, с. 178–179]. Отсюда дотошное копание в личной жизни человека и отыскивание биографических данных, подтверждавших социальное происхождение, что самым непосредственным образом влияло на повседневную жизнь человека. Конечная же цель всех этих манипуляций – отстранить на законном основании «чужих» от какого-либо влияния на общественно-политическую ситуацию в стране. Поэтому политическое неравенство неизбежно трансформировалось в правовое неравенство. Большевики не стремились интегрировать «чужих» в новое общество. В результате стали появляться «социальные жертвы», то есть люди, в силу своей социальной – классовой принадлежности оказавшиеся «правовыми изгоями».

Правовое неравенство исходило, в первую очередь, из чисто прагматической задачи удержания и укрепления власти. На первом этапе послеоктябрьского периода среди большевиков преобладали романтико-утопические взгляды на развитие политической ситуации в стране. Вера в неизбежность мировой революции, абсолютизация партийных идеалов приводили к переоценке потенциальной их поддержки населением. По мере развития ситуации, большевики в вопросах демократизации политической жизни становились на прагматическую позицию, в основе которой лежал один мотив – удержание власти. К тому же, в ленинской теории пролетарская демократия являла собой демократию для большинства рабочих и беднейших крестьян, в то время как буржуазная демократия ассоциировалась с демократией для избранных (класса имущих). Поэтому ликвидация правового неравенства могла происходить только по мере изменения социально-классовой структуры общества, в сторону ее унификации и под строгим контролем, а не путем автоматического расширения демократических начал. А пока же, утверждал Ленин, «мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции» [2, с. 294]. Принципиальная постановка вопроса понятна. Более детально обосновывает политическое неравенство Н.И. Бухарин. Политическое неравенство он аргументирует наличием двух объективных факторов. «Первый. По нашему законодательству не имеют прав люди, живущие на нетрудовой доход. «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благополучию и по уровню своей жизни стоят на самой высокой ступени, являются в нашем строе оскол-

ками прежнего капиталистического общества ... которые попали под железную руку пролетарской диктатуры. Второй. Трудовое крестьянство не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом, с одной стороны, трудящимся крестьянством – с другой стороны. Причем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса» [3, с. 217]. Таким образом, в отношении «чужих» проблема решалась просто – лишение избирательных прав. «Для того чтобы руль не вырвался из рук пролетариата, необходимо на данной ступени развития политически обезвредить буржуазию и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и мелкобуржуазные городские слои. Отсюда вытекает и лишение политических прав кулаков, купцов и т.д.» – утверждал Бухарин [3]. С буржуазией все было понятно. Сложнее было объяснить политическое неравенство между рабочими и крестьянами. И здесь нашлись аргументы, тем более что определенный опыт уже был при принятии первой Конституции 1918 г. Ленин тогда писал: «Мы нисколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть. Наша Конституция, как мы указали, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба» [2, с. 172]. Позднее Бухарин в качестве основного аргумента неравенства рабочих и крестьян выдвигал и то обстоятельство, что крестьянство склонно к политическим колебаниям и что существует опасность того, что крестьянство в силу своей темноты и некультурности, вопреки своим собственным интересам, пойдет за буржуазией. Отсюда и вытекают известные преимущества и политические привилегии, имевшиеся в законодательстве по отношению к рабочему классу. Эти преимущества служат добавочной страховкой, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу. Бухарин делает упор на выгодность для крестьянства победы социализма. Но они пока этого еще не осознают. Прийти же к социализму можно только при руководстве рабочего класса. Подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Поэтому необходимо принять все меры для обеспечения этого руководства и пока есть колебания среди крестьянства, будет и правовое неравенство [3, с. 220]. Таким образом, модель правового равенства сводилась к обеспечению политических условий для сохранения власти и предоставления равенства, избирательных прав крестьянам только тогда, когда они утратят способность выражать свои экономические и прочие права или когда интересы крестьянства сольются с интересами правящей партии, то есть измениться социальный характер общества. Крестьянам, в сущности, предлагались политические условия: встаньте полностью на сторону власти и вы получите равные права.

Неравенство избирательных прав проявлялось в нескольких практических аспектах. Во-первых, это лишение избирательных прав граждан по тем или иным критериям. Речь идет о так называемых «лишенцах», то есть о тех, кто лишался избирательных прав по тем или иным основаниям.

В первую очередь к ним относились лица, жившие на так называемый нетрудовой доход, «эксплуатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде», то есть лица по материальному положению стоявшие на самой высшей ступени. В Конституции 1918 г. в статье 65-й перечислялись все те, кто не имел права участвовать в выборах. Это частные торговцы, торговые посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; все лица, участвовавшие в правительствах белых. Политическими правами пользовались все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-политическим трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством [4, ст. 64.] Во-вторых, Конституция 1918 г., а затем и Конституция 1924 г. узаконили неравенство политических прав рабочих и крестьян. Крестьяне выбирали равное количество делегатов от значительно большего количества избирателей, чем рабочие [4, ст. 53]. Таким образом, рабочие пользовались политическими привилегиями, и законодательно устанавливалось его первенствующее правовое положение [5, ст. 9].

Практика лишения избирательных прав на основе социального статуса с четко выраженными юридическими последствиями имела место уже в период Гражданской войны. «Поражение прав», вошедшее в юридический лексикон после принятия Конституции 1918 г., означало лишение активного и пассивного избирательного права, активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации, право занимать ответственную должность и быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном [6, ст. 40]. Целью института поражения прав объявлялась защита общества от проникновения в ее среду, в качестве полноправных граждан, лиц преступных и опасных, могущих вредно повлиять на ход государственной жизни и, потому, в целях государственной пользы, их необходимо было подвергать лишению прав. Общий подход заключался в необходимости поражения прав всех, кто осужден вне зависимости от тяжести преступления. То есть вопрос о поражении прав мог обсуждаться при назначении любого наказания или заменяющей наказание меры социальной защиты. С августа 1919 г. Национальный комитет юстиции (НКЮ) приступил к изданию «Объявлений НКЮ» для обнародования лиц, лишенных избирательных и других прав. Причина такого шага была основательной. Дело в том, что повсеместной стала практика, когда граждане, лишенные избирательных прав, права поступления на советскую службу, что было самым «неудобным» наказанием, переезжали в другую местность и пользовались там всеми правами, прежде всего, устраиваясь на службу. В Уголовном кодексе 1922 г. присутствовали три статьи (ст. 40–42), в которых определялось содержание наказания «поражение прав». Поражение прав назначалось судом как дополнительное наказание при вынесении обвинительных приговоров по преступлениям, предусмотренных УК, если суд признавал осужденного опороченным по суду. Постановка вопроса о поражении прав при осуждении для суда была обязательной, если УК предусматривал наказание за

данное преступление лишение свободы на срок более года или другое более тяжелое наказание [6, ст. 42]. Срок ограничения не мог быть более 5 лет, а согласно ст. 40 УК срок поражения начинался с момента отбытия наказания [6, ст. 40]. Число «лишенцев» заметно увеличивается в середине 1920-х г. Так, в Воронежской губернии среди сельского населения в 1923 г. их было 12 317 человек (0,8 % от общего числа избирателей), в 1924 г. – 19 389 (1,3 %) [7, Д. 488. Л. 89]. В Тамбовской губернии число «лишенцев» в 1923 г. составило 39 438 человек (2,7 %), из них по селам – 30565 (2,3 %), в 1924 г. – 44 333 (3,4 %), из них по селам – 33 919 (3,1 %). Всероссийский показатель по всем группам составлял 4,7 %, по селам – 1,3 % [8, Д. 711. Л. 42.]. Большое количество «лишенцев» в Тамбовской губернии объяснялось наличием значительного количества участников антоновского движения в губернии. В губернии участников антоновского движения, осужденных к высылке или заключению в концлагерь по постановлению ЧК или трибуналов, и, одновременно, лишенных избирательных прав по постановлению избирательных комиссий, насчитывалось 10 тыс. человек [8].

Довольно распространенной была практика лишения избирательных прав и судом. Суды часто использовали «поражение в правах» в качестве наказания на определенный срок. Как правило, «поражение в правах» шло в сочетании с основным наказанием – лишение свободы и т.д. Суды часто злоупотребляли поражением в правах, считая данный вид наказания несерьезным, не усматривая в нем никакого политического умысла и применяли его часто не по назначению. Например, были нередки случаи назначения судами поражения прав на 5 лет за нанесение побоев на почве ревности, растрату полученного по наряду для армии коньяка и вина, хищение продуктов из магазина, превышение власти, взяточничество, мошенничество и буйство, тайное винокурение, то есть чисто уголовные преступления. Между тем, поражение прав рассматривалось законодателем именно с политической точки зрения, и применять его было необходимо только тогда, когда по характеру преступления и личности осужденного суд придет к выводу, что он может воспользоваться правами во вред трудящимся [8].

В деревне местные советы, в первую очередь, лишали избирательных прав кулаков и духовенство. Массовыми были случаи лишения прав по произволу. Например, за получение среднего образования, службу в старой армии офицером, участие в церковном совете. Столь нелепые обвинения вытекали из своеобразия данной проблемы. Дело в том, что волостным исполнительным комитетам разрешалось брать с «лишенцев» по 12 рублей штрафа для укрепления местного бюджета, что вызывало желание иметь как можно больше «налогоплательщиков». Нередко местные власти занижали количество «лишенцев» с целью сокрытия полученных штрафов. В данном случае речь идет о лишении избирательного права на основании материального положения лица (кулак), а также лиц, «пользующиеся своими правами в ущерб Советской власти» [4, ст. 12]. Юридически формально решения местных советов о лишении прав вытекали из статей 64 и 65 Конституции РСФСР 1918 г., а затем статьи 68 и 69 Конституции РСФСР 1925 г. Но местные советы не всегда следовали букве

закона. Так, согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров (СНК) от 5 мая 1921 г. «Об ограничении прав по судебным приговорам» не могли избирать и быть избранными в местные советы только те, кто ограничен в правах по суду, и, притом, в течение того периода, на который вынесен судом приговор об ограничении в правах [9, № 39, ст. 209]. Поэтому принимавшие, например, участие в бандитизме и понесшие наказания без ограничения в правах, по закону могли пользоваться активным и пассивным избирательным правом, но, однако, они были лишены такого права [11, Д. 11. Л. 42].

С началом «нового курса в деревне» отмечается снижение количества «лишенцев». Многие жалобы крестьян по восстановлению в правах были удовлетворены. Возвращались права и участникам «антоновского» движения, кроме тех, кто имел приговоры по суду. В Тамбовской губернии число крестьян, лишенных голоса уменьшилось почти втрое. Например, в Борисоглебском уезде их число уменьшилось с 8212 человек осенью 1924 г., до 2311 весной 1925 г. Сокращение произошло, главным образом, за счет лишенных прав по статье 23 Конституции РСФСР [8, Д. 243. Л. 27]. Эта тенденция сохранилась и в ходе избирательной кампании 1925/1926 гг. Избирательная инструкция, принятая ВЦИКом в сентябре 1925 г., предполагала некоторую демократизацию избирательного процесса. Уточнялся круг лиц, подлежащих лишению избирательных прав, создавались местные избирательные комиссии из представителей населения, собрания считались правомочными лишь при наличии на них не менее 35 % избирателей (ранее при любом количестве). Избиратели могли подавать жалобы по поводу нарушения инструкции, в ходе собрания разрешалось мотивированно отводить выдвигаемые кандидатуры [8]. Однако период либерализации длился недолго. После избирательной кампании 1925/1926 гг., когда высокую активность проявили именно бывшие «лишенцы», идея дальнейшей демократизации была отброшена. Сталин в марте 1926 г. на заседании Оргбюро ВКП(б) резко осудил политику расширения круга лиц, пользующихся избирательными правами. Реакция последовала незамедлительно. Инструкция 1925 г. была «осуждена партией», она перестала действовать и окончательно была отменена июльским (1926 г.) Пленумом ЦК ВКП(б) и Центральной Контрольной Комиссией (ЦКК). 28 сентября 1926 г. утверждается новая избирательная инструкция, где ужесточается положение о лишении избирательных прав. Акцент ставится на ужесточение отбора при лишении избирательных прав. Помимо уточнения, инструкция вводила новые социальные категории, подпадавшие под данную меру наказания. Новыми «чужими» становились: земледельцы, применяющие наемный труд в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового; земледельцы, имевшие наряду с земледельческими хозяйствами собственные или арендованные мельницы, маслобойки; земледельцы, занимающие наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельхозпродуктов и т.д.; лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование сельхозмашин, рабочего скота; занимающиеся снабжением населе-

ния кредитами (товарными или денежными) на кабальных условиях [10, № 75, ст. 889].

Лишалась избирательных прав именно та часть крестьян, которые могли оказать влияние на результаты выборов. Зажиточные крестьяне имели авторитет на селе, вели активную пропаганду против местного произвола, против никчемных сельских начальников – партийцев, и находили поддержку у сельчан. Именно против них были направлены неопределенные формулировки инструкции, допускавшие возможность произвольного толкования со стороны местных властей. В условиях утраты влияния большевиков в деревне было уже не до формального соблюдения инструкций о неправильном лишении избирательных прав, речь шла о сохранении контроля над деревней, и главное было не пропустить того, кого считалось необходимым лишить прав. В результате количество «лишенцев» во второй половине 1920-х гг. вновь стало возрастать. В 1926 г. в городах Тамбовской губернии лишились избирательных прав 6 629 человек, в 1927 г. – 8 874 (рост 34 %). По уездам в 1926 г. – 11 485 человек, в 1927 г. – 24 875 (рост 116 %). В среднем по РСФСР рост «лишенцев» составил 133 %, а в сельской местности увеличился в три раза. В 1928/1929 гг. – возрос еще на 20 % [8, Д. 321, Л. 67]. Росло одновременно количество заявлений о восстановлении в правах, так как в 1927 г. вновь был введен 10-тирублевый налог на «лишенцев».

Особый размах лишение избирательных прав приобрело в ходе избирательной кампании по перевыборам советов в 1928/1929 гг. Лишали голосов за отказ от приобретения займа индустриализации, за выступления против «зажима критики». В Борисоглебском округе были лишены избирательных прав 24 середняка за то, что они выражали недовольство секретарем ячейки. Происходили и курьезные случаи. В г. Кирсанове Тамбовской губернии на совещании избирательной комиссии по проверке лиц, лишенных избирательных прав, участвовал человек, сам лишенный прав, с мотивировкой, что он с «большой головой» [8]. Лишение прав влекло за собой серьезные юридические, материальные и бытовые последствия. Типичный «лишенец» тех времен – это человек в возрасте от 17 до 55 лет, физически и душевно здоровый, но не числящийся трудящимся. Они не имели удостоверений личности, лишались каких-либо политических и гражданских прав. Лишенец не мог быть избранным ни в один советский орган, общественные организации, не мог занимать любую должность, учиться в средних специальных или высших учебных заведениях. В документах делалась пометка «лишенец». Труд лишенцев оценивался по самым низким расценкам. На них не распространялось государственное обеспечение, то есть они не получали никаких пособий (пенсии, пособия по безработице и т.д.). Они не включались в общую систему снабжения продуктовыми и потребительскими товарами. Крестьянин и его семья фактически исключались из общества и не имели даже тех минимальных льгот, которое могло предоставить сельское общество. Безработица, выселение из квартиры, отсутствие медицинской помощи, изгнание детей из школы – вот что ожидало на жизненном пути лишенцев. Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 13 ноября 1930 г. лишенцы не могли быть

членами колхозов и других кооперативных обществ и товариществ [12, ст. 59]. По законам 1925 и 1930 гг. об обязательной военной службе лишены подлежали зачислению только в тыловое обеспечение. Причем для них срок состояния в тыловом ополчении устанавливался с 19 до 40 лет включительно. Жесткие последствия лишения избирательных прав заставляли людей искать обходные пути. Они стремились скрыть «неудобное» социальное происхождение, изменить работу, выбирая ту, которая улучшала автобиографию. В связи с этим распространялась практика выдачи местными советскими органами ложных документов о «правильном» социальном происхождении. В конце 1920-х гг., когда давление на «социально чуждые элементы» достигло максимума, многие были вынуждены объявить в прессе об отказе от своих родителей, имевших «неправильное» социальное происхождение.

Лишение избирательных прав значительной части населения страны, в первую очередь крестьянства, следует рассматривать как одну из наиболее массовых политических кампаний, носивших ярко выраженный репрессивный характер. Репрессивность выражалась в одновременной политической, экономической и правовой дискриминации значительных слоев населения. По сути, «лишенцы» утрачивали «советскую легальность» и становились изгоями в собственной стране. Правовое неравенство, проявлявшееся в лишении избирательных прав граждан, было ярким проявлением классового подхода к формированию институтов власти. Это была сознательная политика, направленная на формально правовое обеспечение государственной власти путем укрепления политической монополии большевиков. Все эти люди практически не были легализованы, и только по Конституции СССР 1936 г. были признаны равноправными. Конституция законодательно установила всеобщность выборов для всех граждан страны, достигших 18 лет, независимо от их социальных различий, в том числе имущественного положения и прошлой деятельности. Но это уже не имело принципиального значения для большевиков, поскольку страна находилась уже под жестким контролем репрессивного аппарата, а волеизъявление народа проходило в строгих «партийных рамках». Законодательно же уголовное наказание в виде лишения избирательных прав было отменено лишь в 1958 г., когда приняли закон «Об отмене лишения избирательных прав по суду», отменивший как нецелесообразную «такую меру уголовного наказания, как лишение избирательных прав» [13, ст. 7].

Список литературы

1. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 38 / В.И. Ленин. – М. : Полит. литература, 1969. – 579 с.
3. Бухарин, Н.И. Избранное / Н.И. Бухарин. – М. : Политиздат, 1988. – 499 с.
4. Конституция РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 51.
5. Конституция СССР 1924 г. – М. : Известия, 1925. – 24 с.

6. Уголовный кодекс 1922 г. – М. : Юриздат НКЮ РСФСР, 1923. – 175 с.
 7. Государственный архив социально-политической истории Воронежской области. – Фонд 1. – Опись 1.
 8. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. – Фонд 840. – Опись 1.
 9. Собрание узаконений РСФСР 1921 г.
 10. Собрание узаконений РСФСР 1926 г.
 11. Государственный архив Тамбовской области. – Фонд Р-655. – Опись 1.
 12. Собрание узаконений РСФСР 1930 г.
 13. Ведомости Верховного Совета СССР 1958 г.
-

Limitation of Electoral Rights as Factor of Law Inequality in Soviet Russia (1920-s)

V.V. Nikulin, E.A. Shein

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: class theory; courts; discrimination; electoral rights; limitation of electoral rights; power institutions; punishment; political rights; social groups.

Abstract: The paper is devoted to the theory and practice of extinction of electoral rights as well as the extinction of citizens' rights. It analyzes legal and political basis of the limitation of electoral rights. It illustrates the court practice and legal consequences for different social groups of population.

© В.В. Никулин, Э.А. Шейн, 2010